

Для Семьи

СЛУЖАНКА ЦАРСКОГО ЛЕКАРЯ

Дия Сёмина

Служанка царского лекаря

<https://litres.ru/74251704>

SelfPub; 2026

Аннотация

С такой родней врагов не надо, что угодно сделают, лишь бы избавиться от слишком яркой приживалки, у них своя дочь на выданье. Дядя по доброте своей, продал меня в служанки первому встречному. Незнакомец от позора-то спас, вылечил и бросил на произвол судьбы.

Знать бы, что он последний лекарь, решившийся спасти неизлечимо больного царя, ведь за этот подвиг дадут большую награду и исполнят самое заветное желание. Или Снесут голову с плеч в случае неудачи.

Что-то я уже жалею, что нашла своего «хозяина» и решилась на незавидную должность служанки царского лекаря, но уже поздно, водоворот дворцовых интриг захлестнул и меня, и лекаря, и цесаревича, пора браться за метлу и

Альтернативная Россия. Взрослая попаданка в тело молодой девицы. Сложные отношения. Любовный треугольник. Интриги, тайны и немного магии.

Короткий любовный роман. Однотомник

Содержание

Глава 1. Пробуждение	4
Глава 2. Одинокий Волк	11
Глава 3. Кусайте локти	19
Глава 4. Почтенное семейство	25
Глава 5. Волчья песня	30
Глава 6. В няньках	39
Глава 7. Охота на Лису	50
Глава 8. Князь	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дия Сёмина

Служанка царского лекаря

Глава 1. Пробуждение

— Тс-с-с! Не брыкайся, — крепкая рука зажала рот и нос, не позволяя вдохнуть, — будешь тут брыкаться. Открываю глаза и от ужаса завизжала бы, да не могу. Белобрысый парень склонился надо мной с не самыми добрыми намерениями. Впервые его вижу, как он вообще попал в мою квартиру? Но задать вопрос с зажатым ртом не удалось. Зато промычала я громко.

Его мало волнует моё сопротивление, сдёрнул одеяло и замер, уставившись на то, что лежит рядом с моей ногой.

— Змея! Твою ж! Не рыпайся, тише. Это всё Василиска, её поганых рук дельце. Спасаю я тебя, дурында.

Незнакомец неуклюже буквально выдернул меня с постели и поставил на ноги перед собой, тут же пальцем показал, куда смотреть. Спазм в животе от ужаса и паника накрыла такая, что я начала оседать. Люто ненавижу змей, боюсь их до заикания и панических атак, и кто так жестоко со мной? Какая такая Василиса? За что?

— Стой смирно, она пригрелась, лежит себе. Как её за-брать-то, чтобы не сбежала, ядовитая, как сестра моя. Дёр-

нешься, за шиворот тебе запихну! Тс-с-с-с! Но тем лучше Дунька, я тебя спас, а ты мне поможешь, вот те красивое платье одевайся, пока я гадину заберу, потом сестричке при родителях верну, пусть знают, какая она падлюка.

Ничего не понимаю, что происходит? И где моя шикарная квартира? Почему мы в какой-то келье, где и распрямиться-то невозможно.

Если бы не паника, я, наверное, как-то более активно начала действовать. Хоть бы вопросы задать, почему я Дуня, если я Ева? И как он вообще посмел со мной так обращаться?

Парень не нашёл ничего лучше, как отбросить одеяло и маленькую подушку, а змею завязать в небольшую простыню крест-накрест. Та, даже не пошевелилась, может она дохлая, кто-то зло подшутил чтобы меня напугать?

В тонкой рубаше стоять перед молодым нахалом неприятно, да и опасно, слишком уж его проворные руки беспощадно меня дёргают. Если бы не змея в простыне, я бы ему не позволила разговаривать таком тоне. Но подлец потряс перед моим лицом узелком, и мы отчётливо слышали злое шипение. Вздрагиваю от ужаса и послушно натягиваю на себя какое-то платье, пахнущее ядрёным хозяйственным мылом и свежестью. Стоило отвернуться, и паника чуть отпустила, но настойчивое желание сбежать не даёт покоя куда угодно, только бы подальше от этой шипящей гадины.

— Стой! Ты моя должница, пошли Ваське малину пор-

тить! Она по уши втюрилась в этого парня, совсем рехнулась, уж сваха расстаралась, и сейчас смотрины идут, слышишь? Вон уже и песни поют, но я ей спуску не дам, меня мамке сдала про карты и долг, нашептала, тебе вот гадюку в постель, так что сейчас самое время ей мстить! Уж разыграем балаган, Васька от злости лопнет.

Незнакомец теперь тянет меня через тёмный коридор куда-то на двор, откуда слышны весёлые выкрики. Каждая попытка сопротивляться пресекается узлом из простыни, в котором извивается злющая змея.

Вместо лестницы под ногами доски и мы по ним сбегает вниз напрямик в толпу. Делаю последнюю попытку вырваться: «Пусти!»

Он и отпустил, так резко, что я оступилась и упала в пыль двора, прямо под ноги гостей.

— Савелий! Что б тебя! Что такое творить изволишь? Ты к чему эту ведьму рыжую, каторжанку, приживалку чёртову из кельи выволок? — над моей головой мгновенно взвился пронзительный женский вопль. От которого Савелий только рассмеялся.

— Что, Васенька, не нравится? Пойдёшь замуж за старика! Раз такая подлая. Евдокия наша дальняя родня, а ты её со свету как токмо не сживаешь из ревности, да она краше тебя и покладистей! А ты гримза и ябеда! Вот смотрите, люди добрые, за какой подлой невестой приехали. Она нашей Евдокии в постель змею ядовитую подсунула! Эва как, а я

спас. Ну, а вам, сваты, решать, стоит ли Василиса милости стать женой пригожего добра молодца али нет!

Я так и сижу на земле, совершенно не понимаю происходящего, но ещё больше не понимаю, откуда у меня взялась такая огненная шевелюра? Осматриваю тонкие, белые ручки, локоны и готова сама завопить от ужаса, и не только из-за змеи, но и из-за своего совершенно нового образа. Я же женщина взрослая, солидная, бабушка троих внуков, мать двоих детей, у меня же пенсия на носу, банкет по этому случаю через неделю...

Но мои проблемы никого не волнуют, на подворье разыгрываются нешуточные страсти. Чтобы окончательно всё испортить своей сестре Савелий развязал простынь и швырнул наземь змею. Чёрная, тонкая и длинная она начала извиваться. Не понимая, куда ползти, повернула маленькую треугольную головку в мою сторону, узнала? Пытаюсь отползти, но она стрелой метнулась к моим ногам.

Так пронзительно я никогда в жизни не визжала.

Всё закончилось мгновенно, жених Василисы подхватил меня, а его проворный дружок крепким каблуком раздавил опасность. И гости, и хозяева ахнули.

Такой вопиющей подлости от Василисы никто не ожидал. А она с визгом и проклятиями убежала в свою светёлку. Кто-то грозно прорычал:

— Дунька! Пшла к себе, быстро! Савелий. Я с тобой после разберусь, подлец!

— Я подлец? Хм, она и вам змею подсунет, маменька, чтобы дом к рукам прибрать и богатства ваши. Всё, я своё дело сделал, а ты, Тимофей, благодари меня, от сущей гадюки тебя спас. Вон бери себе бесприданницу, хороша, девка, работающая, покладистая! Сам бы взял, да в родстве!

Савелий не дал нам опомниться, перешагнул змею и поспешил со двора, насвистывая весёлый мотив, словно ничего не произошло. Видать, у него с сестрой борьба не на жизнь, а на смерть, да уж, с такой роднёй, врагов не надо.

Тимофей опомнился, опустил меня, придерживая за руку, и улыбнулся, может, и правда решил посмотретья. Да куда там, дородная тётка подбежала, зыркнула на меня с ненавистью и прошипела не хуже змеи:

— Она наша родня из милости живёт, да, такие мы щедрые люди, её отец на каторге, а она ведьма, взяли в дом и мира теперь в семье нет! Сами видите, люди добрые, дети теперь друг друга ненавидят, мы болеем, всё из-за этой рыжей пакости. Надо было отправить в каторжное поселение следом за её родимым батюшкой душегубом. Сегодня же от этой Евдокии избавимся, а вы не серчайте, мож ещё передумаете, Василиса у нас хороша невеста, да и приданого добавим. Уж сговоримся. Пойдёмте в трапезную, отведать-то чем бог послал!

— Благодарствуем, уж подумали! Всего хорошего, эту бы взял, а Василису – увольте.

Жених ещё раз взглянул на меня, тем самым взглядом,

оценивая прелести под тесным платьем, подмигнул и вышел, крикнув свахе, что в этот дом более ни ногой и получше, и богаче невесты есть.

Ворота со скрипом закрылись. Я так и стою посреди двора, совершенно не понимая ничего из происходящего. Кто эти люди? С чего они взъелись на несчастную Евдокию? И почему в её теле очнулась я, Ева Евгеньевна Астахова?

Дородная маменька семейства отошла, чтобы не сорваться в драку со мной, и крыльца прогудела:

— Отец! Увози её сейчас же! Чтоб духу этой рыжей бес-
тии не было в доме. Убью её, если не увезёшь! Твоей сестры
дочь, тебе и отвечать.

— Да, куда ж её? — крепкий мужчина в дорогом кафтане
с непониманием смотрит то на меня, то на жену.

— На рынок, там подёнщики сидят, оставь и возвращайся,
мож, какой дурак найдётся и на работу её заберёт.

Через минуту меня усадили в коляску, и «отец семейства»
сам взял вожжи.

В голове только один вопрос крутится, почему я не сопро-
тивляюсь? Как замороженная, смотрю на происходящее во-
круг и слова сказать не могу в свою защиту. Ни единого. На
меня это совершенно непохоже.

Так, молча и доехали по простеньким улочкам провинци-
ального города на широкую базарную площадь.

— Приехали, вон навес у таверны, там сидят подёнщики
и те, кому место надо, всё же ты дочь сестры, уж не знаю, что

на тебя нашло, гадости делать людям, приютившим и обогревшим, кров тебе дали, еду, одежду вон. А ты... Пошли, народ почтенный, не отпугивай, улыбайся, дурында. И вот ещё что, ежели тебя не возьмут на работы – домой не возвращайся. Мы тебе более не родня.

— И не собиралась...

С трудом процедила и послушно пошла за «дядей». Думала его совесть хоть немного гложет, куда там. Сразу и начал вопить во всё горло, расхваливая меня, как вещь.

Он что, за меня ещё и денег взять хочет?

Дорогие друзья, добро пожаловать в захватывающую историю Евы. Читайте с удовольствием. Хочу напомнить, что любая поддержка книги делает её заметнее на литературном портале.

Глава 2. Одинокий Волк

На площади уже не так много народа, судя по тому, как высоко над горизонтом солнце, время около полудня, кому в такое время приспичит работника искать?

Утром бы ладно, но сейчас?

Чует беспокойное сердце, что останусь я ночью на улице. И всё же иду покорно за «дядей», а тот не стеснясь привлекает к нам внимание:

— Эй, народ, кому работницу в дом? Почти даром, токмо мои расходы покрыть! Гляньте, какая красота, хоть жинкой, хоть грелкой, хоть нянькой, горничной, сиделкой, любую работу может исполнять!

— А что не чёсана? Да вид у неё какой-то потрёпанный? Поди били? Да от греха избавиться решили? — слышался противный голос, однако суть комментария верная, люди не дураки.

— На работу спешила, вот и не расчесалась, сейчас отряхнём, товар лицом покажем! — огрызнулся дядька и потащил меня в таверну, заставил косу заплести, платье поправить и умыться.

Хоть бы пирог купил, но ему некогда, снова выволок меня на улицу, а тут уже толпа, и правда решили товар рассмотреть.

Стою перед любопытными рожами, истинно рожи, редко

когда приличное лицо промелькнёт в толпе. Сбежать? Но куда?

А торг начался, и нешуточный.

На моё счастье, вышел вперёд купец, почти старик, и все расступились перед ним:

— Девонька, ты считать, писать обучена?

Киваю.

— Грамотная! В лавку на самое то, от покупателей отбоя не будет! — тут же нашёлся дядя и толкнул меня вбок, чтобы улыбнулась.

— Плачу целковый! И забираю в лавку!

— Помилуй, что же так мало? Накиньте ещё малёхо! Хоть бы пяток! — не желая упускать выгоду, мой продавец решил приподнять ставку.

— Да она ж не крепостная! С чего я тебе должен платить? Ей за работу и заплачу! — возмутился покупатель.

— Так не пойдёт, мы её кормили, поили, комнату выделяли...

— Эх, ты жадный, она что же принцессой сидела? Работала поди? Забирай два целковых и разойдёмся, иначе мне девка не нужна, мутное дело!

Если дядя подлец не уступит и оставит меня на улице ночевать, я его сейчас ударю, только бы волю в кулак собрать, тело совершенно не слушается, и это начинает напрягать, уж не ужалила ли меня гадина? Да не посмотреть на людях, а нога как-то подозрительно чешется.

Зрители с удовольствием наблюдают за аттракционом неслыханной жадности, и бессовестно обсуждают меня, дядю и вообще ситуацию.

Спор затянулся, но вмиг замер. Вперёд вышел какой-то франтоватый мужчина, с очень неприятным, сальным взглядом, про ухмылку на холёном лице вообще молчу. Оглядел «товар» и сделал ставку:

— Восемь целковых! Больше мелких нет, а золотой на такую тощую жалко. Видать, плохо кормил.

— Тебе из неё похлёбку не варить! — огрызнулся продавец, но сумма ему понравилась.

— Похлёбку нет, а вот гостям моего заведения такую рыжую лисичку подложить, вполне хорошая идея. Покупаю для своего борделя! Там у неё всё будет по высшему разряду! И кров, и платья, и еда, и клиенты.

Сутенёр, не стесняясь, расхвалил своё предложение, толпа взвыла, дядя довольно улыбнулся, а у меня, кажется, сейчас случится припадок. Ком в горле не позволяет вдохнуть, стою красная как рак.

— Дядя, пожалуйста, не надо! — взмолилась, да куда там...

Жадная рука потянулась забрать восемь целковых, но к моим ногам со звоном упала огромная сияющая золотая монета!

— Подлецы! Отпустите девчонку, ваших бы дочерей так... Тьфу, пакость! Надо бы управу на вас натравить, за

торговлю женщинами пять лет каторги, если не ошибаюсь!

Громкий, ужасно злой голос с небольшим акцентом заморозил всех, кроме подлого дяди.

Он кинулся к золотому, и, не обращая внимания на угрозу незнакомца, крикнул, как только монета скрылась в его глубоких карманах: «Продана!»

И бегом с места преступления, как и все остальные.

Поднимаю взгляд и вот он, мой спаситель, на огромном гнедом коне, на голове капюшон, вижу только бороду и пыльные довольно дорогие сапоги.

Кто он? И что мне теперь делать?

Незнакомец развернул коня и поехал по своим делам, а я стою, не понимая, что делать-то? Мне жить-то теперь где?

Какая-то женщина подтолкнула со словами: «Чего стоишь, он твой хозяин, беги, али думала тебе карету подадут? Дурёха! Вроде порядочный, да на вид богатый, может не такой подлец, какие здесь собрались».

Ну я и побежала, прихрамывая, еле успеваю за всадником, а он ни разу даже не обернулся.

Силы на исходе, бегу следом только из страха остаться без крыши над головой. Две улицы, третья, а тут уже какие-то старые постройки и всё! Городишко закончился.

Я так пешком за ним и должна идти?

— Эй! ВЫ меня так и заставьте идти за вами пешком?

Мужчина вздрогнул, обернулся и неприлично ругнулся,

но тут же осёкся.

— Какого лешего, ты за мной тащишься, рыжая дочь богини Хель? Я же сказал, что ты свободна! Сама выбирай себе место, без унижений и работай...

Прорычал, даже коня не остановил.

— Да кто возьмёт-то? У меня даже гроша ломанного нет на обед, нет платья, меня из дому выкинули родственники, и, кажется, они же подсунули в мою постель змею, и я...

Хотела было надавить на его жалость, крикнула чуть громче, чем надо. Задрала юбку и увидела тёмное пятно над коленкой.

Меня действительно ужалила эта змеища, вот почему я в прострации, а теперь ещё и в панике.

— Можете ехать по своим делам. Яд меня скоро убьёт, не беспокойтесь! Всем плевать, — проворчала в сердцах, словно этот незнакомец мне чем-то обязан и медленно осела, а потом и завалилась на придорожную траву.

— Да, что б тебя! Мне в столицу надо поспеть завтра, точно укус, и как ты столько времени терпела? Ведьма?

Испуганно отнекиваюсь, ещё не хватало ярлык ведьмы получить.

— Устрою тебя в таверне, денег оставлю, оправишься, с обозом по этому тракту отправляйся в столицу, там таких, как ты быстро на работу нанимают, не пропадёшь.

Подхватил меня на руки и понёс обратно в город, в первую попавшуюся таверну устроил на постой. Ух и боли я натер-

пелась от его так называемого лечения. А под завязку заставил выпить такую гадость, что пришлось рот зажать, чтобы организм не выплюнул обратно.

— Это противоядие, дня за три встанешь на ноги, у тебя есть магические силы, потому и не умерла. Значит, и не умрёшь. Держи деньги, спрячь, на некоторое время хватит, за таверну заплатил, и на этом наше знакомство завершено. Тебе не место рядом со мной, уж прости, я царский лекарь, и взять во дворец постороннюю прислугу не могу. Поняла?

Перебарывая дурноту от его гадостного лекарства, киваю.

— Спасибо вам за доброту, если бы не вы, я как минимум умерла, как максимум оказалась бы в борделе. Я всё понимаю, простите, что задерживаю вас, — только и нашла что сказать. Надо было хоть бы имя спросить. Но к чему.

Прячу небольшой, но тяжёлый кошелёк в карман и ложусь в постель, представляя, что меня ждёт после этой гадости.

Думала, что лекарь ещё что-то скажет, или хоть бы пульс пощупал. Но нет, он встал и вышел, даже не обернулся. Что-то крикнул хозяйке и, кажется, уехал, оставив меня на произвол судьбы. Одну в незнакомом мире.

— Лекарь называется, оставил больную, умирающую...

Вдруг дверь открылась, и я снова услышала его говор с акцентом:

— Не такая ты и больная! Не претворяйся, знаю я ваши женские хитрости. Та змея поди трижды пожалела, что уку-

сила. Ну да ладно. Всё равно тебе со мной нельзя. Я договорился с хозяйкой, они присмотрят, пока у тебя будет горячка, вот лекарство, трижды выпьешь, поняла?

Киваю испуганно, очень не хочется испытать горячку. Незнакомец поставил флакон с тёмно-зелёным зельем на стол и продолжил наставления:

— С обозом поезжай в столицу, всего полтора дня пути. Там на рыночной площади много лавок, постоянно нужны молоденькие продавщицы, всё что мог, я для тебя сделал! И постарайся больше мне на глаза не попадаться.

Последнюю фразу он буквально проворчал, словно я напращиваюсь с ним, а я и не собиралась.

— А то что?

— Ничего! Волк лисе не товарищ!

— А волк — это кто?

— Я! Волков, Вольфсон, счастливо оставаться, лиса!

И вышел, так и не поняла, что это было? Он жалеет, что меня нельзя взять с собой? Или жалеет времени, потраченного на меня. Да какая разница.

Обещанная горячка подступила в тот же миг, как за Волком закрылась дверь...

Глава 3. Кусайте локти

Уж такого я натерпелась за время болезни и лихорадило, и кошмары какие только не снились, такой жути насмотрелась, что и фильмы ужасов позавидовали бы. Самое неприятное, что теперь две жизни странным образом сплелись в один канат, завязались узлом, и я с трудом различаю реальность прошлых событий.

Ева или Евдокия, какая из них я настоящая?

Кто я вообще такая?

Гадкое лекарство, что оставил мне Волк, второй раз выпила через силу, третий раз уже спокойнее, а в четвёртый как сироп, только кисленький, благодаря этой жидкости я и очухалась.

Третьи сутки из-за слабости пришлось пролежать в постели, а на четвёртые проснулась утром как огурчик.

После завтрака хозяйка предложила сходить в баньку, а то видок у меня, как у восставшей. И только потом на рынок сбегать, собраться в дорогу.

Я укоренилась в своём решении уехать в столицу. В этом маленьком городке мне одной не выжить, сутенёр не отстанет, да и «родственники» могут в любой момент встретиться. А мне совершенно не хочется с ними иметь дела, даже здороваться, вдруг понравилось продавать, ещё додумаются повторно выставить, с таких людей станется.

После быстрой помывки в общественной бане в «женский» час, наступил тот самый момент знакомства с собой новой.

Положа руку на сердце, всё, что сейчас происходит – пугает. Но я молодая, симпатичная, это судя по тому, как на меня реагируют люди. Даже тело красивое, немного веснушек, но это не недостаток, а скорее уникальность. А уж рыжая шевелюра – это просто предмет для гордости.

В просторном предбаннике висит зеркало, набираюсь смелости, подхожу и замираю, не от испуга, а скорее с непривычки. Совершенно иное лицо. Реальная я – взрослая, красивая женщина, полноватая, но, как говорят знакомые, – роскошная, женственная, уверенная в себе. Хотя это могла быть лесть, я просто сама себе нравилась. Но сейчас смотрю на юное, миленькое личико и хочется улыбаться. Забавная, не идеальная красавица, но молодая! А в молодости мы все хороши собой.

Ни тебе артрита, ни тебе мигрени, ни тебе давления, и всех этих дурацких осложнений после проклятой эпидемии.

— Ну разве без меня дети не проживут? Проживут! Уж такой шанс мало кому даётся, прожить ещё одну жизнь, да в молодом теле, — шепчу, уговаривая себя не расстраиваться. Словно от моего настроения и мнения зависит, останусь я в этом теле, или смогу вернуться. Понятия не имею как умерла, значит, во сне? Всё может быть.

Собралась, встряхнулась и решила, что в прошлой жизни я так долго раскачивалась, чтобы поверить в себя, теперь же подобной ошибки не совершу.

На том и порешила.

Единственное, нужно как-то присмотреться к местным манерам, говору, чтобы не выдать себя. Евдокии уже несколько раз прилетало обвинение, что она ведьма, наверное, это не слишком безопасное мнение окружающих, лучше слыть простушкой, провинциалкой, чем ведьмой.

Завязала мокрые волосы в белый платок, что дала мне хозяйка таверны, отдохнула немного и довольная собой поспешила тратить деньги Волка.

Надо основательно собраться в дорогу. Много мне не нужно: обувь, сменную одежду, бельё, какие-то закуски, чтобы в дороге не голодать, платок, шаль на случай непогоды. Остальное лучше в столице купить.

Хожу по лавкам, выбираю, прицениваюсь, денег, оказалось немало, но я их всё равно очень трепетно считаю, спрашиваю скидки, торгуюсь как в последний раз.

Через пару непростых часов у меня образовался хороший такой тюк вещей. Довольная собой, спешу в таверну, чтобы договориться с очередным попутным обозом, желательно бы попасть в почтовую карету, тогда можно вообще со всеми удобствами доехать.

С такими деловыми мыслями прохожу мимо какой-то лавки и вдруг слышу знакомый голос «братика»:

— Ох, ты ж! Жива? А где твой хозяин? Продалась, дешёвка?

— От дешёвки слышу! Уж на такое хамство, сказать женщине унижительные слова, способно только ваше пошлое семейство. А мой наниматель служит в царском дворце лекарем! Понятно? И я сейчас в карете еду на службу горничной, в самом дворце работать! Завидуйте, потому что таким, как вы, такой службы никогда не видать!

И так гордо подняв голову с разворота от бедра и зашагала...

Но недалеко, братец догнал и схватил за руку. Пришлось с силой выдёргивать, не хочется продолжать разговор, но он не унимается:

— Стой! Врёшь! А что он тебя не взял с собой? — Савелия моя лживая тирада задела за живое, похоже, я угадала, что о службе во дворце многие мечтают.

— Потому что твоя глупая сестра подсунула мне в постель змею, и я чуть не умерла от укуса. Он меня с того света вернул, оставил отлежаться и ждёт теперь в столице. И про этот укус гадюки, и про торговлю живым свободным человеком, он шепнёт, кому следует! Понятно! Беги, обрадуй своего папашу, и Василису!

Я сама сейчас напоминаю гадюку, но как приятно вот так вколачивать в беспардонных людей слова о скорой расплате.

Не дожидаясь новых гадких слов в свой адрес, быстрее шагаю в сторону таверны, теперь я просто обязана попасть в

почтовую карету, и приехать в столицу, как принцесса.

А вслед слышу крик: «Дуня, прости меня, лично я к тебе со всей душой!»

— Я это заметила, только вот душа у тебя чёрная, и немного противная! Прощай! Маме с папой привет!

Крикнула и сбежала, пусть теперь трясутся от каждого стука, что там Волк сказал за торговлю людьми – пять лет каторги? Она им не помешала бы.

Глава 4. Почтенное семейство

— Что Василисушка, лишилась жениха? То-то же! Я наследник и будущий глава рода, а ты – баба, да к тому же глупая! Ладно бы глупая, но ещё и злая! Всё, сваха более к нам ни ногой! Выходи замуж за богатого старика, после ещё спасибо скажешь! — Савелий не стерпел и поддел сестру, в тот момент, когда та выглянула в оконце, не едет ли сваха с новостями.

— Ах, ты подлец! Ведь твоих рук все дела? Ты мне смотрины расстроил с пригожим женихом.

Взвилась девица, только тонкая косичка змеёй мелькнула в воздухе, кинулась на брата с кулаками, но снова промахнулась, Савелий уже наизусть выучил её повадки.

— А почто ты змею Дуньке подсунула? Дело-то подсудное, на каторгу захотела? Мало нам позора? Она теперь вона папенькой продана и в столицу поехала в сам дворец служить. При всяких там царях, а ты тут останешься на веки вечные! Я тебя содержать не намерен, посылай гонцов с согласием к старому жениху, нет в тебе такой красоты, чтобы кобениться!

Проворчал и вышел из горницы, но вслед раздался пронзительный крик сестры, после таких нападков – скандалу быть.

— Маменька, Савка меня заставляет за старика идти, и

всё из-за Дуньки! А Дунька-то в царский дворец поехала, вот она змея настоящая, везде пролезет!

В доме на мгновение всё затихло словно перед бурей, слышалось, как почтенный отец семейства в гостиной неуклюже звякнул блюдцем, чертыхнулся и приготовился держать ответ. Видать, сынок решил всех на чистую воду вывести да сдать на жестокое правосудие маменьки, а уж за ней не заржавеет. Агриппина Савельевна – женщина суровая, и редко справедливая. Не прошло и нескольких секунд, как раздался её громкий глас, аки колокол на пожарной каланче, созывающий домашних, держать ответ за все проступки.

— Это что такое я слышу? Василий Лукич? Извольте-ка изъясниться, батюшка, каким это макарон наша каторжанка во дворец вами пристроена?

Хозяйка сама вышла и вовремя успела преградить путь к побегу своему любимчику сыночку, и взглядом указала на гостиную. Василиса, гонимая любопытством, сама пришла, надеясь, что хоть в этот раз братец получит затрещину от маменьки.

Но, кажется, в семействе появился новый виноватый.

— Да каким? Что вы, Агриппина Савельевна, всё ворчите, всё вам не так да не эдак. Сама при честном народе приказала отвезти девку в подёнщики, даже документы не дала ей. Это ж специально, чтобы на самые грязные работы. Ну я и пристроил первому встречному, понятия не имею, кто он такой. Мимо ехал, дал деньгу...

— Не деньги, а золотой. Я всё видел, как её хотели в бордель купить, но мужик какой-то северный, да знатный спас нашу девку. Золотой кинул. А я сегодня её встретил на площади и расспросил по-доброму. Лекарь это, и не простой, а царский. И Дуня наша теперь во дворце будет служить служанкой. Там ей новые документы на раз-два выправят.

— Врёшь! Не может этой гадине так везти! — прошипела Василиса.

— Это правда, отец? Ты её продал за золотой? При людях?

— Не продал, а покрыл убытки! Мы её содержали, кормили, поили, имею право восполнить затраты, — разговор взвинтился на высокие ноты, напряжение в гостиной такое, что фарфоровый чайник позвякивает крышечкой от страха, были бы ноги, отбежал подальше, не бить бы битым...

— Дурья твоя голова. Запрет у нас в царстве на торговлю людьми! Ещё бы рубль — два, а золотой — это ж уже настоящая цена, по такой раньше крепостных продавали. Сейчас на нас этот лекарь проезжий шепнёт и пойдёшь на каторгу, следом за мужем своей покойной сестры. Тьфу, дурень! Уго-раздило меня замуж за дурака выйти.

— Да, Дунька так и сказала, что лекарь обещался это дело так просто не оставить, за змею и за продажу нам добра-то не светит.

Савелий подлил масла в пламя и отступил, позволяя маменьке как следует замахнуться на мужа. Но тот тоже за тридцать лет выучил все повадки жены, увернулся, но неук-

люже, зацепил скатерть и смахнул-таки весь чайный сервиз на пол.

Звон заставил всех замереть, впервые посуда разбилась и не к счастью.

— Маменька, так она же каторжанка, какой ей дворец? Этот лекарь-то не знает поди, кого пригрел и на службу взял. Вы бы письмецо отправили кому следует в столицу, да и документики приложить. Дуньке быстро укажут на своё место, подле корыта свиного, пусть свиней пасёт, выше ей и не подниматься. А со змеёй, это я ей ещё милость сделала, — проворчала добросердечная Василиса, развернулась и ушла к себе страдать.

— Мать, а дочь-то дело говорит, напишем письмецо стряпчему, отправим, и он быстро доведёт до знающих людей. И лекарь этот, если он и впрямь лекарь, уже не посмеет на нас бочку катить.

— Вот и пиши прямо сейчас, а золотой на стол, быстро! Зажал деньгу, сидит тут, чаи распивает. И вот ещё, надо к свахе послать, и отдадим нашу Васю замуж за Гаврилу Нилова, немолод, и не красавец, но Савелий прав – богат! Лучшей партии нам уже не найти, зато и на приданом сэкономим.

Глава 5. Волчья песня

Эйнар успел отъехать довольно далеко от небольшого провинциального городка. Настолько далеко, что возвращаться было бы великой глупостью, ведь его с нетерпением ждут в столице.

Лишний раз и останавливаться нет возможности, каждая минута на счету, но зато есть время основательно подумать о непростой рецептуре нового лекарства. Тайные ингредиенты удалось собрать на севере, но состав и дозировку нужно не просто продумать, но и опробовать. Одна беда, времени нет совершенно, состояние царя внушает немалые опасения. Да ладно бы сетовать на нехватку времени, в голове теперь тесно от иных мыслей, из-за которых нет-нет, да возникает желание развернуть коня. Вот прям рука дёргается, кабы не следил, то и не заметил бы, дорога-то одинаковая, что назад, что вперёд. Да только впереди – не самая простая служба, а позади...

А позади осталась Лиса, и покоя не даёт опытному лекарю, как малец, ей-богу, стоит забыться хоть на миг, и перед глазами возникает образ рыжей девицы.

— Дёрнуло меня выбрать именно в эту харчевню на обед! Была же мысль, объехать город кругом, быстро перекусить на тракте и снова в путь. Так нет, пироги там, видите ли, отменные, и девушек на улице продают, паршивцы. А я и рад

вляпаться в очередную историю! Тфу...

В очередной раз проворчал сам на себя, да так сурово, что конь решил прибавить шаг, чтобы не злить сердитого хозяина ещё больше.

Сколько таких обездоленных, несчастных, болезных он встречал на своём веку? Сотни, тысячи.

Первое время душа болела за всех, потом только за самых беспомощных, а со временем и опытом появилось убеждение, что на всё воля Бога. А лекарь лишь инструмент всевышнего, лечить – да, а улучшать жизнь, особенно взрослой, довольно бойкой девицы – это уже вне его лекарской миссии. Будь она ребёнком...

И тут же сам себя перебил:

— Даже имени не спросил у Лисички.

Неприятно замечать, что размышления идут не сплошным потоком, а раздваиваются, словно русло реки в непростой дельте. Разум успокаивает, что девушка сильная, и он ей оставил денег, лекарство и дал верные наставления.

А сердце упрекает, что не забрал с собой, бросил на произвол судьбы, а судьба с ней не церемонится и не щадит, если вспомнить непростые обстоятельства первой встречи.

— Мне в этой ситуации не хватало только влюбиться в последнюю нищенку, совсем рехнулся! Мало ли красивых. Эта не самая лучшая, знавал и краше...

Ещё раз проворчал и сам себе запретил даже думать о рыжей Лисичке...

К вечеру на дороге заметно прибавилось всадников, телег и карет. Столица близко, теперь уже не расслабишься, конь устал, наездник и вовсе еле в седле держится. Бодрят только крики неугомонных ямщиков на казённой службе, уж эти горазды сутками без усталости мчатся, поднимая пыль, и выкрикивать в зависимости от ситуации: «Поберегись!» или «Пшли, родимые!».

Пару раз пришлось уворачиваться от бойких хамов.

«Дороги не самое безопасное место, особенно для одиноких и ярких девиц!» — промелькнул в сознании очередной упрёк, но его тут же сменили мысли о предстоящем поиске ночлега. При такой загруженности найти приличное место оказалось невозможным. Ночь коротать пришлось на сеновале огромной харчевни, все комнаты заняты, люди даже на полу трапезной на ночлег устраиваются.

Давно такого стечения народа не случалось, ярмарочные недели или просто так оно теперь многолюдно в столице?

И снова подкралась неприятная мысль, словно щипнула за нерв, заставляя волноваться о том, как через несколько дней Лисичка остановится здесь на ночлег, и где ей спать одной без охраны? На сеновале мужиков полно, в трапезной тоже небезопасно.

А другая мысль и того больнее ужалила: «Она ж потеряна навсегда, доберётся до столицы, а там народу-то тьма и больше, и ведь шла сама следом, и что было не нанять таратайку, уж довёз бы. А теперь всё, упущена, не пересекутся

более дорожки царского лекаря и провинциальной барышни, уж, даже если наймётся в женскую лавку, так ему туда дороги нет!»

Поморщился и снова отогнал от себя навязчивые мысли. Это всё морок от усталости!

Рано утром, бодрости в теле добавилось, всё же сено, да вольный воздух намного лучше, чем тесные, душные коморки. Заплатил за простенький завтрак и скорее в путь, осталось всего ничего, потом смыть с себя дорожную пыль и сразу к самому важному пациенту царства, посмотреть на рану, ужаснуться и попытаться хоть что-то сделать, чтобы не лишиться головы, мало ли как Его Величество настроен, скажешь ему про ампутацию ноги, а он тебе про ампутацию головы. И ведь не поспоришь, единственное, что без ноги жить можно, а без головы кто ни пытался – не получалось.

С каждой верстой настроение всё хуже и хуже. Шансы на излечение ничтожны, вот они, причины, почему он думал о чём угодно, о ком угодно, но только не о царской ноге, будь она неладна.

Она и так неладна.

И Лисичка, не потому ему мерещиться, что понравилась, или душа за неё болит по какой-то причине. А потому что жизнь простого знахаря, где-то в северных пределах гораздо легче, приятнее и безопаснее. Взять бы за себя такую Лису, нарожать лисят и жить не тужить.

Романтические откровения мгновенно закончились, стоило проехать через кованые ворота в царское подворье, доложить о прибытии и забыть обо всём, что осталось где-то там далеко, как о приятном сне.

— Ваша светлость, приготовили уже покои, как вы и просили, а вещей-то нет? Баньку? — денщик сразу приступил к своим обязанностям, забрал небольшой багаж, проводил лекаря в дальний корпус, где меньше всего дворцовой челяди, но есть переход в царские покои.

— Да, баню и быстрее, вещей мало вот две сумки седельные, у меня сундук в обозе скоро привезут. Ужин подайте и узнайте, могу ли я сегодня осмотреть больного, или не пустят?

— Слушаюсь, всё сделаем-с.

Через два часа, уставший, но чистый, сытый, Эйнар Волков без лишних докладов вошёл в покои Его Величества Петра III. Низко поклонился и попросил дозволения осмотреть рану.

И без осмотра понятно, плохи царские дела. За такую работу возьмётся только ненормальный или маг, если такой имеется, обычному лекарю в этой борьбе туго придётся.

Бледный, но ещё крепкий мужчина лежит в постели, измученный нелепой болезнью, и, кажется, успел смириться с мыслью о смерти. Уж так посмотрел на нового лекаря, что у того холодом по спине пробежало нехорошее предчувствие.

— Добрый вечер, имею честь представиться, лекарь Эй-

нар Волков, я младший сын северного княжеского клана Волковых, прибыл по вашему требованию, надеясь на удачу и опыт, наши предки видели многие раны и лечили их, смею верить, что смогу вас поставить на ноги.

Снова поклон, а в голове пролетела мысль, хоть бы на одну ногу поставить. Здесь и без магических сил понятно, ранение непростое.

— Приступай, если вылечишь, озолочу и исполню самое сокровенное желание, а нет... То с шарлатанами у нас короткий разговор.

Лекарь улыбнулся, надо ж, как оно просто у царя Петра, про свою дурь не думает, сразу лекарь виноват.

Под стоны болезного, размотал тряпку и ужаснулся состоянию раны.

— Как вас так?

— На охоте огромный вепрь, подранок налетел, а я не успел увернуться.

— М, да! Тут непростое дело складывается. Могу сказать одно, я – шарлатан! Потому что с таким запущенным случаем справиться только самый искусный лекарь, в смысле Бог. Понимаете ли меня? Одного желания мало, опыта у меня много, но раны, нанесённые животными, часто приводят вот к таким последствиям, а вас ещё и лечили не слишком грамотно, уж простите, а всё потому, что боялись причинить боль. Я не боюсь, не серчайте, но орать вы на перевязках будете благим матом, и пить горечь такую, что язык в узел за-

вяжется. Если за дней пять-шесть улучшение не наступит, позовём палача с самым острым топором или саблей, ампутация будет последним шансом на жизнь! Вот такое у меня жестокое прорицание.

Наступила тягостная минута тишины и раздумий.

— Я подпишу указ, не трогать вас, в случае если в приступе боли мне захочется ампутировать вам голову, — прохрипел царь, прекрасно понимая, что с этим варяжским княжичем придётся доказывать свою мужскую состоятельность и не раз.

— Новое лекарство составлю за пару дней, есть у меня некоторые идеи, сейчас перевязка, и вот эту настойку нужно выпить, она придаст вам сил, и начнёт чистить кровь, и немного успокоит боль. Очень горькая! Но девица вчера выпила и даже спасибо сказала!

— Так и сказала?

— Да, и вам передала низкий поклон и наилучшие пожелания!

Царь вдруг обрадовался новой теме для разговора и улыбнулся.

— Зовут её как?

— Лиса.

— Странное имя, красивая?

Вот тут нерв варяга сдал, вздохнул и просто кивнул, жалея, что проболтался. Меньше всего сейчас хочется вспоминать о рыжеволосой красавице.

Эйнар разложил на столе инструменты, мази, и флакон с лекарством. Сомнения и страх перед величественным пациентом тоже остались где-то за пределами дворца, как мечты о спокойной жизни с какой-нибудь лисичкой в северных пределах царства.

Через полчаса кропотливой работы, громких царственных стонов и порой ругательств, лекарь, наконец, вышел из покоев, вдохнул полной грудью ночной воздух и осознал, что вот теперь он опустошён. Только бы не встретить никого из венценосных родственников, чтобы не давать ложных надежд и обещаний, рана запущена, и шансов на излечение практически не осталось.

Глава 6. В няньках

Если бы не случайная встреча с «братцем», то, наверное, я бы не спешила бежать из города, всё же ехать после обеда, считай в ночь, не самое разумное решение.

Но Савелий не дурак, эту таверну знает, мало ли что они придумают, чтобы ещё насолить. Уж змея в постели и позорная продажа – это такие доказательства ненависти, что и уточнять не надо – они непременно меня добьют при первой возможности.

Особенно после глупых слов о том, что мой новый хозяин донесёт на них. Это я, конечно, зря.

Добежала до таверны, и, на моё счастье, какая-то карета собирается отъезжать в столицу. Умолила госпожу взять меня с собой. Она особо и не сопротивлялась, даже обрадовалась, но пристально осмотрела, убедилась, что я вполне себе нормальная, и согласилась:

— У нас есть место и много, даже оплату не возьмём, но нам нужна помощь, — взрослая дама с девочкой открыла дверцу кареты и показала, что у неё там маленькие близнецы. Карета просторная, и удобная. Няня уже сидит в уголочке, дочку мать посадила сама и теперь ждёт моего решения. — Дорога дальняя, я думала, что с одной няней справлюсь, но сил уже нет. Если вы имеете опыт общения с детьми, то мы вас наймём до столицы. Ольга сама будет кормить, но ка-

чать и успокаивать сразу двоих она не в силах.

— О! Не волнуйтесь, с детьми я умею, огромный опыт.

Как вовремя прикусила свой длинный язык и не сболтнула про внуков.

Быстрее уселась, куда показали, свой узел с вещами под сиденье, и кучер, проверявший упряжь, осторожно закрыл двери.

Началось моё первое путешествие в карете. Ох, знала бы я, на что подписываюсь, пешком бы пошла.

Сначала всё шло вполне хорошо, пришлось назвать своё имя, и сказать, что сирота, но еду за своим хозяином в столицу, на хорошее место служанкой трудиться. Про то, что Волк – лекарь, решила умолчать, знаю я людей ещё по прошлой жизни, только скажи, что зять врач – тут же создадут чат, и будут слать описания своих болячек. Такие тайны, должны оставаться тайнами.

Наталья Алексеевна благосклонно улыбнулась, и тут заплакал первый малыш, а следом второй.

Старшая сестра, измотанная дорогой не меньше матери, трагически закатила глаза. Они под эти песни уже давно едут, а я только начала слушать.

— А что мы вдруг плачем? Не нравится, как трясёт? Ну, идите на ручки, кто первый.

И протягиваю руки к ближайшему малышу, беру его, а няне пришлось взять второго.

Я и песенки пела, и дорогу в окно показывала, и массаж

животика делала, и спинки, и снова в окошко смотрели, в погремушки играли. Дети не такие и маленькие. Чтобы всю дорогу лежать. Однако и на руках их держать тяжело. Уж с такими бы дома сидеть, а не путешествовать. Но кто я такая, чтобы давать советы.

Уж не знаю, что подействовало, но после моих несложных манипуляций уснул сначала один, потом и второй.

Мы проехали в тишине довольно долго, даже сами успели вздремнуть.

К вечеру свернули с тракта в небольшой городок, надо было уточнить, а мы точно в столицу едем, но решила не сердить хозяйку. Она сама заметила моё волнение и пояснила:

— Мы от тракта на три версты отъедем, на перекрёстке есть большие таверны, но в них с детьми невозможно ночевать. Здесь же у знакомой женщины заночуем в домашних условиях, отдохнём и завтра снова в путь, а к вечеру уже окажемся в столице.

Какое счастье, что я поехала с ними, а то было бы мне «весело» одной, да среди ямщиков, купцов ночь коротать.

Взяла своего малыша, узелок и в дом за хозяйкой.

— Ева, а ты случаем никакого слова не знаешь? — услышав этот странный вопрос, вздрогнула, обернулась, а это няня Оля держит второго малыша и смотрит на меня пристально.

— Какого слова?

— С тобой дети, как шёлковые. Ты их успокоила за десять

минут, они и сейчас даже не пискнут. А ведь это великая редкость.

С недоумением смотрю на «своего» ребёнка, киваю ему, а тот хоть и уставший, но улыбнулся и прогулил что-то на своём детском наречии.

— Да вроде нет! Ничего такого, знаешь, может быть, я просто новый человек, привыкнут и начнут плакать. Пойдём скорее, а то хозяйка уже стоит и ждёт.

— Ты тогда спать будешь со мной в детской!

— Как скажешь! — снова пожимаю плечами, так и не поняла, к чему такой странный разговор.

Я предложила детей с дороги искупать, понимая, что все измотаны, а уже после накормить, дать им немного пообщаться между собой, потом и спать. И, кажется, моё мнение теперь даже не обсуждается.

Нам с Олей быстро принесли два корыта, тёплую воду. Пока госпожа с дочкой отдыхают, мы с няней детей искупали, поиграли, накормили, ещё немного дали им «погулять» по нашим уставшим рукам. И они сладостно уснули в плетёных дорожных колыбелях.

Наталья заглянула в спальню, вызвала меня и сразу перешла к делу, хваткая дамочка оказалась:

— Ева! Вы прирождённая няня. Сколько вам платит ваш хозяин? Чепуха, сколько бы он ни платил, я дам больше. Вы нам нужны. Подумайте хорошенько. У нас в столице прилич-

ный дом, мой муж — состоятельный человек, вам понравится.

И тут я сболтнула лишнего, наверное, от усталости:

— Я служанка царского лекаря. Если мои услуги ему больше не понадобятся, то я непременно приеду к вам на работу.

Но Наталья Алексеевна замерла, и так на меня посмотрела, словно у меня на шее висит петля, а никто не решается пнуть табурет.

Пытаюсь уточнить:

— Простите, что-то не так?

Она поморщилась, наклонилась ближе и прошептала, словно открывает мне величайшую тайну мироздания, да, собственно, так и есть:

— Ох, ваш хозяин обречён! Все знают, что у царя ужасная рана на ноге, неизлечимая, там какая-то магия подмешана. Уж мой муж крутится в этих сферах, многое слышит, а это ни для кого не секрет, скоро цесаревич начнёт чеканить монеты со своим профилем. Это не сплетни, а факты, известные последнему кучеру. Сколько нашему государю осталось, одному богу известно, а после его кончины, — тут она ещё тише прошептала и перекрестилась. — Виноватым сделают вашего господина, уж отыграются, не впервой такие случаи с очень знатными-то пациентами. А то и вас приплетут. Может быть, вам сразу с нами? Зачем так рисковать?

Бледнею, что-то совсем нехорошо стало. И теперь вдруг слова, сказанные Волком, заиграли совсем иными красками

— трагическими. Он об этом знает, только сказать не смел. А Наталья женщина простоватая, и для неё царственная тайна не более чем обычный светский секрет. А, вообще-то, за такое откровение и по шее можно получить.

— Но он мне уже заплатил. Так что я должна у него отработать, наверное, — виноватым видом пытаюсь объяснить, нам ещё целый день завтра ехать в одной карете. Хотя, может быть, дети завтра устроят нам хоровое выступление, и Наталья Алексеевна передумает переманивать меня к себе, на том и успокоилась.

— Хорошо, это делает вам честь, но учтите, наши двери для вас всегда открыты. Вот карточка моего мужа, а сейчас спать, завтра тяжёлый день!

Воткнула мне в руку небольшую визитку и ушла к дочери спать.

«Адвокатская практика. Веденеев Сергей Ильич» и далее адрес. Это перст судьбы, не иначе. Адвокат мне рано или поздно явно понадобится.

Уже успела подумать в минуты затишья, что надо было у Савелия спросить хоть что-то о себе, хоть бы фамилию. А то знаю только имя и то, что отец где-то каторгу отбывает. Хоть бы знать за что? Нет, с таким послужным списком мне не светит место няни у адвокатских детей.

А про то, что и во дворце для дочери каторжника места нет и не будет, я как-то не подумала. Потому что не хочется думать о грустном, почему-то решила, что нужна лекарю.

Ночь проспали вполне спокойно, всего пару раз вставали к детям.

И весь следующий день ангелочки вели себя прекрасно, да, руки устали, и спина после тряски отваливается, но судя по счастливым лицам моих попутчиц, у нас случилось чудесное путешествие, и они решили, что причиной тому я.

Что и подтвердилось, стоило карете остановиться у довольно богатого дома, как Наталья снова принялась меня уговаривать, а когда я в десятый раз попросила прощение и сослалась на внушительную предоплату, какую я, якобы обязана отработать, то она протянула мне вексель на пять рублей.

— Вот, ты мне теперь тоже немного должна! И как только лекарь перестанет в тебе нуждаться, приезжай!

— Благодарю, вы меня очень выручили, не могу...

Не успеваю сказать, что не могу принять такую большую сумму, как она развернулась и ушла в дом. А я осталась на улице, и понятия не имею, куда идти и что делать. Вечером во дворец ехать не самая лучшая идея.

На всякий случай отошла подальше от дома Веденеевых, чтобы меня силой не затащили и не заставили работать няней. Осмотрелась, и в целом понравилось, улицы не многим отличаются от того провинциального городка, где началось моё непростое приключение. Но дома повыше, улицы почище и пошире, публика самая обычная.

Только хотела крикнуть извозчика, как слышу пронзи-

тельный крик из окна:

— Ева! Умоляю, вернись! — Наталья так крикнула, что не в силах сопротивляться я зашагала обратно к дому адвоката. Двери распахнулись под оглушительные крики близнецов. Плохи дела, что-то с ними не то. Ладно бы взрослые, но это дети. Первая мысль: послать за Волком во дворец. Вторая мысль, попытаться выяснить в чём дело, уж через мои руки прошли пять детей, свои и внуки.

Вошла, поздоровалась со служанкой, попросила умыться с дороги и платье чистое, в таком пыльном наряде к больным детям подходить не самая лучшая идея. Отец семейства скрылся в кабинете, Наталья простонала что-то про мигрень. А я окунулась в детские проблемы.

И мгновенно обнаружила причину: зубки режутся, поздно для таких крупных младенцев, потому и так больно им бедным. В такой ситуации только ждать и нянчить. Оля убежала с благой вестью, что проблема скоро сама пройдёт, а я села в широкое кресло-качалку, одного малыша на колени, второго рядом и начала их поглаживать, напевая песенку.

Детки мгновенно затихли, я сама физически ощутила, что им не больно, а вот мои руки как-то странно огнём горят. Продолжаю их качать и успокаивать. Через час мы смогли накормить близнецов, искупать и уложить.

— Ева! Заплачу тебе по пять рублей за день, если останешься, пока у них не пройдёт этот недуг. У мужа очень непростой судебный процесс, он не может сосредоточиться,

ворчит, боюсь, что уедет в гостиницу. А это ужасный удар по моей репутации.

Чуть не со слезами в голосе взмолилась Наталья Алексеевна, и я согласилась. Сама бы не смогла бросить детей в такой ситуации. Да и деньги очень уж большие, мне придётся дня четыре провести в семье Веденеевых, но, с другой стороны, не думаю, что Волк меня ждёт с нетерпением.

Четыре дня пролетели как один. Муж остался дома, Наталья счастлива, дети, наконец, перестали нуждаться во мне, и пришлось отпроситься, снова напомнив, что я должна показаться на глаза своему «хозяину».

— Если он в тебе не нуждается, то сразу назад! — отдавая деньги, строго наказала Наталья и обняла меня.

— Конечно, спасибо вам огромное, поспешу собираться.

Выбрала самое приличное платье из трёх новых. Тщательно расчесалась и сделала шишку, косички показались слишком уж детскими. Завязала миленькую косынку, как многие горожанки делают, и после небольшого завтрака отправилась покорять царский дворец. Так и сказала молодому извозчику, чем немало его развеселила.

— Так и во дворец? А ковёр не постелить? Прямо принцесса?

Сначала не поняла, чего это она так надо мной потешается. А потом сообразила.

— Да нет, какая с меня принцесса, на работу еду.

— Хм! Это подёнщицей? Или горничной, жирно на извозе-то, дорого возьму, деньжата-то есть?

— Есть! Не пешком же идти! Вези.

Показываю мелкие деньги и сажусь в небольшую франтоватую коляску с открытым верхом. Мужик довольно долго вёз меня по улочкам, потом вдоль набережной, настоящая экскурсия получилась. Ехали-катились и внезапно замерли.

— Вон ворота, здесь все, кто работу ищут, но зря ты суёшься, там уж все свои, не пробьёшься. Шла бы лучше в простой дом.

— Придёт время и пойду! Счастливо!

И что все меня отговаривают, ну попробую, не возьмёт меня Волк на работу, может, горничной или ещё куда.

— Доброе утро, кто крайний? Это же во дворец очередь? Ох, я и рассмешила публику.

— А ты адресом не ошиблась? Царевны с другого входа заходят! — и началось, каждый прошёлся по моей персоне. Они и правда здесь все свои, подёнщики на садовые работы, на разгрузку, и стирку, и я, как белая ворона в нарядном платье, среди работяг.

Ворота открылись, и все замолчали.

— Сегодня нужны двадцать человек в сад, пять на стирку, и трое моляров, есть такие? — усатый господин огласил весь список и уставился на меня, с тем же вопросом, чего я тут забыла.

Ну я и выдала: «Я — служанка лекаря Волкова, он велел

приехать, я его помощница, склянки мыть, бинты стирать и гладить!»

— А с какого это приказа у лекаря служанка объявилась?

— А я не служанка, а ассистент...

У ворот начался безудержный хохот, они явно не поняли значения этого безобидного слова. Или поняли его очень уж по-своему. Стою и краснею, потому что мне тут же предложили стать «асисенткой».

Глава 7. Охота на Лису

Дикий гогот затих, стоило управляющему зычно гаркнуть на рабочих. Кое-кто умный решил под шумок проскочить впереди бывалых, и началась потасовка. Да уж, тут без боя не пробиться на работу. Видать, очень хорошо платят.

Так и стою в стороне, неммым укором управляющему, решится он или нет. Если нет, то как тогда дать о себе весточку? Каждый день приходиться? Измором дворец брать.

Подёнщиков выбрали, вроде бы и ворота пора закрывать, но главный вдруг сплюнул, махнул рукой и рявкнул в мой адрес:

— Чёрт с тобой! Вдруг и правда ты ему нужна, потом меня накажут. Лекарь-то новый, нерусский, может у них там такая традиция учеников брать в помощь.

— Да, да, я ученица, на грязных работах у лекаря.

И вдруг заговорила с таким же акцентом, как у Волка. На какие только хитрости не пойдёшь, лишь бы своего добиться.

Прошмыгнула через ворота под новую волну улюлюканья и комментариев, мол, знамо, чему така ученица научит, и на этом мой позор закончился. Засовы и замки прогремели металлическим звоном, и сразу наступила тишина.

Те счастливики, что пробились на работы, стоят и ждут распределения, а я в сторонке, даже пошевелиться боюсь, то-

же жду, когда управляющий завершит перекличку.

— Рыжая, отошла бы ты вон туда, сейчас с тобой займусь, не мозоль глаза! — проворчал, заполняя бумаги, но уже не сердито.

Отойти вглубь сада — это я, пожалуйста, лишь бы не за ограду. Встаю у куста роз под красивым фонарём, оглядываюсь. Даже на задворках царский сад выглядит потрясающе красивым. Розовые плантации, дальше виден фонтан, потом начинаются деревья. Ещё дальше шикарные строения, идти туда неблизко, зато всё рассмотреть успею, прекрасная прогулка получится.

Тем временем перекличка завершилась, и многочисленная группа уж было собралась пройти на «плантации» цветов, как мы все почувствовали дрожание земли, потом свист, да такой, что уши заложило.

Управляющий успел крикнуть: «Поберегись!»

Сам отскочил, а я замешкалась, стою вплотную к колючему розовому кусту на дорожке, и на меня несётся кавалерия!

Боже мой!

Страшно-то как!

Несколько мужчин на огромных конях мчатся по дороге наперегонки, но и это не самое страшное, впереди свора гончих псов!

До меня осталось-то несколько метров, вжимаюсь в куст и замираю, уж не идиоты же, не затопчут человека...

Человека, может быть, и нет, а красивую девушку – да!

Первый всадник направил коня прямо на меня!

И на ходу сорвал косынку, особо не церемонясь. Конечно, я же среди подёнщиков, какие тут церемонии.

Волосы рассыпались по плечам, крикнуть бы ему, что-то вставляющее ум на место, да слишком уж шикарно одет. Это явно не самый простой охотник.

— Господа! Я нашёл для нас лису! Вот на неё и будем охотиться. Делаем круг, и кто первый примчится – тому и поцелуй от лисички! Эй, как тебя, управляющий! Держи девушку, чтобы не сбежала! — а мою косынку засунул под китель как трофей. Улыбнулся, подмигнул мне и помчался вперёд, выигрывая себе фору.

— С-с-с-слушаюсь! Ваше Высочество! — пролепетал, некогда грозный «надсмотрщик» и тут же схватил меня за плечи, узел с вещами пришлось бросить под ноги, но сопротивляться невозможно и бесполезно.

Охотники умчались прочь.

— Дяденька, отпустите меня! Я служанка лекаря, боюсь я этих...

Куда только мой житейский опыт и уверенность пропали. Харизма царевича захлестнула, такому человеку сопротивляться опасно.

— Стой! Если отпущу тебя, меня высекут! Не убудет, поцелует раз, зато детям будешь рассказывать, что с самым наследником целовалась! Стой смирно, не дёргайся! А вы иди-

те работать!

Но никто и с места не тронулся. Такое развлечение упустить, это же что потом детям рассказывать?

Особо дерзкие уселись на траву, ждать охотников и смотреть представление. Между прочим, второе за неделю с моим участием, начинаю привыкать.

Через долгие минуты снова показались псы, потом и всадники. Ожидаемо, что все придерживали своих коней, позволяя цесаревичу развлечься с лисой.

Он осадил коня и не спускаясь, наклонился, подхватил меня за талию и поднял. Хотела бы оттолкнуть, да страшно свалиться под копыта. Так и повисла в его жарких объятиях.

Красавчик жадно прижался к моим губам, но и только. На моё счастье, обошлись без французских излишеств, языков и прочих пошлостей, он или неискушённый, или просто брезгует.

Но красивый, холёный, породистый. Светлые волосы, тёмные ресницы и яркие голубые глаза. После поцелуя он не спешит меня отпускать, с интересом рассматривает, а я его.

— Как зовут тебя, красавица?

— Ева...

Шепчу осипшим от страха голосом. И, кажется, имя его взбудрило, заморозило, и царевич решился на второй поцелуй, теперь уже настоящий. Все замерли, сейчас явно происходит нечто особенное и запретное. Нельзя вот так просто царскому отпрыску целовать нищенку...

Жаром по телам пробежала волна, у него возбуждения, а у меня ужаса. Феерическое получилось появление во дворце, ничего не скажешь.

Глава 8. Князь

— И куда Ева спешит? Неужто прачкой решила трудиться? — цесаревич так и не отпускает меня, раздумывает, не забрать ли с собой? Но этого я ему не позволю.

Вместо ответа настойчиво проворчала: «Отпустите, наконец, больно же!»

Осторожно опустил, но я всё равно зацепилась рукавом за что-то, и платье порвалось. Ух, как я зло взглянула на Его Высочество, отряхнулась и подняла свой узелок с вещами.

Цесаревич не спешит, уже и псы меня по разу обнюхали, а я молчу, стою, обиженно надув губы. Тоже мне, добрый молодец нашёлся.

— Не извольте сердчать, Ваше Высочество! Говорит, что служанка лекаря. Нового-то! Что вашего батюшку лечит! — не выдержал управляющий и сдал, чтобы отвести от себя «беду».

Взгляд цесаревича мгновенно изменился. Он посмотрел на меня ещё более пристально, ищет подвох? Или уже пожалел, что так пошленько подшутил?

Но не то и не другое, его такие мелочи не волнуют.

— Служанка лекаря? Ну что же, посмотрим...

И пришпорил коня, свита мгновенно сорвалась с места, а мы с управляющим только и успели отвернуться, чтобы мелкий песок в глаза не попал.

Что собрался посмотреть цесаревич, так и не поняла, тут ещё самому Волку надо посмотреть, выставит незваную служанку и пойду в няньки...

Между тем пыль осела, и работники поспешили, куда приказано, а управляющий, что-то ещё проверил в своих бумагах и бодро зашагал в сторону дворца, прикрикнув через плечо:

— Чего стоишь, пошли, отведу тебя к лекарю! Тоже мне свалилась обуза! Но у лекаря, надо сказать, вкус не дурён! Выбирал...

— Я просто его пациентка, меня змея укусила, он вылечил, специально никто не напрашивался и не искал. Так что оставьте свои домыслы при себе.

— Да нет у меня домыслов. А вот у Его Высочества они точно будут. Им же после несчастного случая запретили охотиться, вот и носятся по саду, свору, да коней выгуливают. Уж сколько нам клумб испортили, не Его Высочество, конечно, а его сотоварищи. И вот чтобы так, не припомню. Не повезло тебе, красавица, уж царица этот позорный инцидент просто так не оставит. Помяни моё слово. Это ж надо, чтобы наследник при всех поцеловал служанку!

Что-то стало нехорошо. В обиде на очередной позор, устроенный цесаревичем, даже мысли не возникло о возможном последствии. Тут и к бабке ходить не надо, крайней сделают меня, как совсем недавно родственники, во всех грехах обвинили Евдокию, даже в ссорах Савелия и Васили-

сы.

Шагаю молча за управляющим, слушаю пение птиц, и шуршание розового гравия под ногами. Ответить на очередное «пророчество» нечего, да и незачем.

— Вон там обойди по дорожке, видишь выступающее крыло дворца? Вот за этот угол завернёшь и там спросишь, у меня других дел полно, да и появляться на людях с тобой уже боязно, ещё подумают, что я тебя привёл.

Проворчал и сбежал.

Степень моей токсичности возрастает с каждой минутой.

Но отступать я не намерена, тем более что цель видна и нет препятствий. Пробежала по дорожке, повернула за угол дворца и растерялась.

Длинная невысокая лестница, а три широких входа. Куда идти, чтобы не попасть в новые неприятности?

Стою словно витязь на распутье, ищу хоть какую-то интуитивную подсказку, но ничего на ум не приходит.

Управляющий сказал спросить, придётся сесть на ступени, и ждать, когда хоть кто-то пройдёт мимо и подскажет.

Так и сделала.

Села в тенёк и сижу, смиренно жду.

Не просто жду, а начинаю, наконец-то, трезво смотреть на ситуацию.

Это дворец!

Здесь просто так с улицы никого не принимают, даже то, что я вошла и добралась до этого места, считай, сердце двор-

цового комплекса и меня никто не остановил и документов не спросил – уже чудо.

А документов нет! И я даже фамилию Евдокии не знаю. И почему ни разу не подумала-то об этом?

Здравомыслие снизошло, заставило ужаснуться своему положению и принять единственное верное решение, бежать, пока не поздно. Потому что я, кажется, только что серьёзно так подставила под неприятности единственного человека, проявившего обо мне заботу, ничего не прося взамен.

— Господи, стыдно-то как! Кажется, после укуса змеи, я потеряла способность трезво мыслить.

Быстрее поднимаюсь со ступеней, отряхиваю юбку и бежать. Поворачиваю за угол и врезаюсь в...

— Ты! — знакомый удивлённый голос испугал больше, чем если бы я сейчас врезалась в какого-то охранника замка.

Едва переведя дыхание, поднимаю взгляд и едва слышно отвечаю полную чушь:

— Я приехала вам помогать...

— Помогла! Можешь уезжать!

Внезапно он просто отодвинул меня и сделал шаг в сторону.

Сейчас бы и правда уйти, но я почему-то не могу.

— Волк, я тебе помогать буду, бинты кипятить и гладить, дезинфекцию проводить, инструменты стерилизовать,

рецепты переписывать, ингредиенты измельчать, этикетки клеить, стирать, мыть, не прогоняй меня, пожалуйста. Я ничего не знаю о жизни, вообще ничего...

Протараторила скороговоркой и выдохнула, с ужасом ожидая ответ.

По инерции сделал несколько шагов и через силу повернулся, будь я свечой, то, наверное, вспыхнула бы под его взглядом, но я не свеча. Если он меня прогонит, то конец не за горами, рано или поздно найду на опу приключения, типа сутенёра или ещё кого-то. В этом мире я бомж.

— Всё это я и сам могу делать! Не так долго осталось, тебе лучше уйти, целее будешь.

— Не буду, у меня нет документов, нет фамилии, точнее, я её не помню, всё равно счастливой не быть, с такими-то исходными данными. Извините, я действительно не должна была...

Разворачиваюсь и иду в сторону тех ворот, через какие попала во дворцовый сад, просижу до вечера и выйду вместе с подёнщиками, подумаешь ещё раз потерпеть очередной позор, а потом искать должность проще.

— Стой! Возвращайся! Мне пригодится твоя помощь. Потом сто раз пожалею, но раз ты настаиваешь...

Я ещё и сообразить не успела, а ноги сами сделали резкий разворот и привели к хозяину.

— Тебя как зовут?

— Ева, родственники звали Евдокией, но я Ева.

— Свалилась ты на мою голову. Значит так! Сидишь тихо, работаешь, про романтику даже думать не смей! Поняла?

Киваю, он взрослый, серьёзный, наверное, женатый, какая тут романтика, мне бы выжить в безопасности.

— Всё, что объявила, то и будешь делать. Надеюсь, тебя никто из знатных не видел?

Виновато поджимаю губы и отрицательно кручу головой, ну точно, как мой старший внучок, когда проштрафится.

— Я для тебя господин Эйнар Вольфсон, Волков. Если по какой-то нелепой случайности тебе придётся обратиться ко мне лично при посторонних, то говори Ваша Светлость, я князь из северных пределов. С этой минуты, ты моя подданная. Ева Лиса, такая у тебя теперь фамилия. Ты приехала со мной с севера, поняла?

Удивлённо киваю. Князь? Настоящий? Но ещё больше меня удивило, как быстро он мою легенду сочиняет. Не зря я за ним шла, с таким выдумщиком не пропадёшь.

— Ваша светлость, так вы меня берёте?

— Ещё раз задашь глупый вопрос насчёт очевидных фактов – выгоню! Всё, пошли, для тебя есть работа.

Чуть не вприпрыжку спешу за своим господином, про царевича и думать забыла, у меня теперь свой князь есть, настоящий.

— Жизнь во дворце регламентирована, но нас сии порядки не касаются. Завтрак, обед и ужин подают в одно и то же время, твоя задача накрыть на стол, и потом убрать, еды при-

носят вдоволь, нам хватит, потому объявлять о тебе не собираюсь, только камердинера предупрежу. Вот твоя комнатка, ко мне без стука не входить! Назвалась служанкой, изволь служить.

— Слушаюсь, — тут же сориентировалась, вспомнив, как управляющий отвечал цесаревичу. Князю это понравилось.

— Все вопросы решает камердинер, за этой дверью большой зал, там всегда кто-то из прислуги есть. А сейчас, у тебя есть полчаса, чтобы расположиться, и потом за работу. Нужно распределить порошок равными долями, надеюсь, ты умеешь с весами работать?

— Конечно, что там работать-то: гири, порошок, дозировка, спасибо вам, я пойду?

— Иди.

Он со мной нарочито холоден, просто айсберг. Но, с другой стороны, это в сто раз лучше, чем запанибратство и поцелуи.

Комнатка оказалась малюсенькой, но всё, что надо есть. Одна проблема, у нас с князем будуар один на двоих. Но это не проблема, обвыкнемся, будем считать, что живём в коммунальном дворце.

Привела себя в порядок, разобрала вещи и вышла к своему господину, готовая работать.

— Вот держи, твоя новая история.

Он протянул небольшую карточку, и на ней аккуратным почерком выведены мои новые данные. «Ева Лиса, год рож-

дения, место рождения, деревушка с нерусским названием, и ниже подданство. Северное княжество клана Волковых».

— Это паспорт?

— Что? Нет, это документ, что ты теперь являешься моей подданной.

— Рабыней?

Он попытался не рассмеяться моей дремучести.

— Подданной, у нас нет рабов, простая горожанка, вольная. А теперь за работу. Вот порошок, вот десять небольших ёмкостей, нужно равномерно распределить, справишься?

И показывает на подготовленное рабочее место. Думаю, что его даже забавляет этот момент. Весы замысловатые, но мы в школе проходили работу на таких весах, ничего сложного для человека из технического мира. Быстро сообразила, как их установить, выбрала правильный вес и приступила к работе. Всё лучше, чем бездельничать.

Князь, видимо, довольный, что теперь есть кому выполнять рутину, взял толстую книгу и сел читать в глубине просторной комнаты. Мы как интеллигентная семья, мило занимаемся своими делами. Тут же отогнала от себя эти провокационные мысли: сказано, про романтику — ни-ни! Значит, ни-ни!

Увлечлась работой, очень уж залипательно пинцетом ставить миленькие гирьки на маленькие тарелочки весов, лопаточкой насыпать перетёртое лекарство. Во мне всё это время пропадал провизор, а теперь дорвался до «творчества», жаль

мало порошка, я бы до вечера этим занималась.

На очередной порции вдруг совсем рядом раздались голоса и заставили меня вздрогнуть так, что некоторая часть порошка просыпалась на бумагу. Поднимаю голову и смотрю в окно, а там идёт оживлённое обсуждение моей скромной персоны:

— Хм! Аркадий Гаврилович, это на эту девушку сегодня охотился Его Высочество? Недурна! Жаль, что служанка! Ох, царице не понравится этот инцидент! Поцеловать служанку! Скандал! — молодая, шикарная барышня стоит на улице у французского окна, рядом с которым устроено рабочее место, и рассматривает меня, как обезьянку в зоопарке. Ещё и сложенным веером показывает своему кавалеру, явно один из тех охотников. Он тоже нагло смотрит, совершенно не стесняясь того, что я их вижу, и они не знают, что следующее окно приоткрыто и их разговор слышу не только я, но и князь Волков.

Рассмотрели, пренебрежительно хмыкнули и степенно пошли в сад, а я сижу, даже вдохнуть не могу.

— Ты не хочешь об этом рассказать? — довольно зло процедил Его Светлость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.